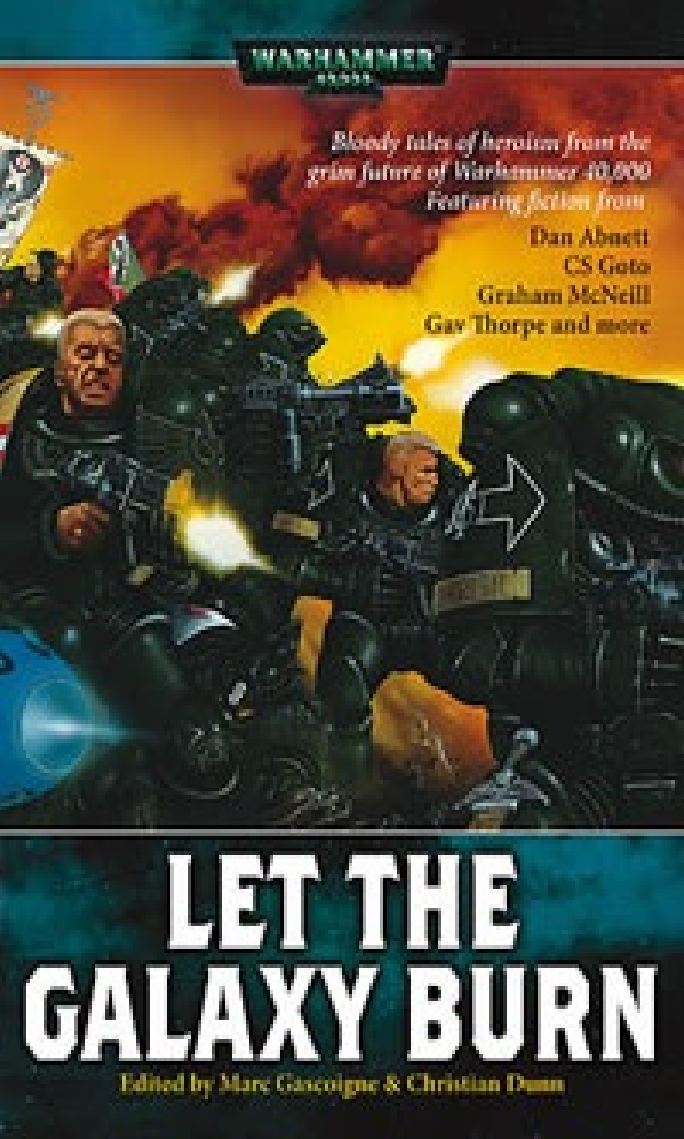

The cover art depicts a chaotic battle scene in a dark, industrial setting. In the foreground, a character in a dark, tactical suit with a helmet and a glowing orange visor is shown in profile, looking towards the right. Behind them, another character in a similar suit is visible, also looking right. The background is filled with smoke, fire, and the silhouettes of other figures and machinery. The overall color palette is dominated by dark greys, blacks, and oranges from the fire and smoke. The Warhammer 40,000 logo is at the top, and the title 'LET THE GALAXY BURN' is at the bottom in large, bold, white letters. Below the title, the editors' names are listed in a smaller, yellow font.

WARHAMMER
40,000

*Bloody tales of heroism from the
grim future of Warhammer 40,000*

Featuring fiction from

Dan Abnett

CS Goto

Graham McNeill

Gav Thorpe and more

LET THE GALAXY BURN

Edited by Marc Gascoigne & Christian Dunn

Вашня

Узкий темный коридор, который выводил из шифровального блока, был грязным.

Маленькие

кучки пыли собирались вдоль стен, постепенно они превращались в настоящую

субстанцию, когда стешивались с влагой, просочившейся сквозь каменную кладку стен.

Лексис видел полосы чистого пола перед каждым дверным проемом, выходящим в коридор,

и аккуратные следы, оставленные в пыли, когда другие шифры поспешно проходили здесь по

своим делам. Отметины оставались на своих местах уже долгое время, и Лексис запомнил их

все, в конце концов -- запоминать все было его непосредственной обязанностью. Поэтому

отпечаткам на полу Лексис мог рассказать: был ли кто болен,

отсутствовал или просто

заработался допоздна.

Прислужники в этом секторе башни
всегда начинали свой рабочий день в
коридорах, смежных

с Залом пересмотра истории. Это был
тайный центр их мира, поскольку им
запрещалось

входить сюда. Вокруг зала располагалась
целая вселенная проходов и палат,
которые им

никогда не суждено было увидеть. Они
суетились, постоянно бегая из зала в зал в
своей

особой, неповторимой манере, никогда не
поднимая взгляда от пыльного пола. В
конце

рабочего дня они проходили через все
маленькие царства ординатов и
префектов и

расходились по своим жилищам, которые
были скрыты и находились глубоко в
подземных

владениях архивов башни, находящихся под

довольно ветхим западным крылом
огромного

здания. Сами прислужники занимали еще
два яруса в одном из секторов башни, в
которых

никогда не убирались. Даже
профессиональные уборщики легендарной
Башни Уголов жили в

трудно вообразимых условиях,
запущенности и запыленности.

Расписание по уборке было составлено
так, чтобы самые важные части башни
были

гарантированно вычищены до блеска
первыми. Не годится Усторикусу, приходя
утром в

главный Зал, обнаружить его покрытым
слоем пыли и производственным мусором,
быстро

накапливавшимся за сутки в
круглосуточно работающей башне.

Разрешить такое -

приравнялось к самой невообразимой
дерзости. Фактически, чтобы избежать

оскорбления

высоких чинов Императора, младшие
ординары настояли на идее прогнать
рабочий день

прислужников немного больше, чем
стандартный. У этой идеи было одно
преимущество, она

заставляла прислужников думать, что
они всегда отстают от графика,
вынуждая их работать

постепенно так, чтобы огни чистили
коридоры вне Зала пересмотра истории, а
другие доходили

бы до шифровальных блоков. Все стены
делили между собой единую зарплату, и
никто не

постел бы пожаловаться, потому что и
и так сделали честь, разрешив работать
в башне;

прислужники набирались из населения,
жившего около башни, они были
единственными, кто

не наследовали чины в Административе
и могли надеяться только на звание

агентов.

Ординаты, придумавшие такой гениальный ход, были представлены к повышению до префектов.

Лексис покачал головой, когда ему пришлось стахнуть своими тонкими пальцами гирлянды

паутины, развешенных вокруг дверного проема его маленькой опочивальни. Это ему

приходилось делать каждое утро. По непонятным причинам, несмотря на гениальный и

запутанный график уборщиков, вход в его комнату всегда был грязен. Он негодовал из-за

необходимости идти через всю эту грязь — он был наследственным шифром, а не каким-то там

чернорабочим на побегушках. Но, как одержимый, каждое утро он сам стахивал паутину и

грязь своими чистыми пальцами, собирая

под ногтями частички пыли, и проклинал
про себя

некомпетентность рабочих: агенты, как
же.

Тщательно переступая небольшими
шажками, избегая трещин между
каменными плитами и

стараясь идти по оставленным
многочисленным отпечаткам, Лексис
наконец-то прошел через

полуметровый коридор. Шифр делал это
настолько часто, что стороннему
наблюдателю

показалось бы неестественным, как он
удлиняет или укорачивает свои шаги,
чтобы в точности

попасть в следы на полу. В
действительности ему не требовалось
смотреть себе под ноги -- он

знал, где находится каждый отпечаток и
мог без проблем пройти по коридору в
полной

темноте. Маршрут от блока шифров до
Зала пересмотра истории впечатался в

его память

четырёхмерной картой. Он точно знал, куда следует поместить ногу в любой момент времени,

на любом отрезке пути.

Конечно, Лексио не осознавал, что знает маршрут в таких мельчайших подробностях. Он

просто повторял его настолько часто, что просто не задумывался больше о нём. Это

просочилось в его мозг в обход сознательной стороны. За многие годы до этого произошёл

несчастный случай, который прервал прогулку Лексио до места работы. Чернорабочий

свалился с лестницы прямо на каменный пол перед ним и сломал себе шею. Выведенный

внезапным происшествием из своего обычного состояния, Лексио потребовалось почти

полчаса, чтобы вернуться по следам назад

к своей таленькой опочивальне и начать
нать

заново. Теперь он жил в смертельном
страхе перед тем, что это может
случиться снова.

Пока Лексио предавался воспоминаниям,
позволяя ногам нести его по первому
лестничному

пролету, ведущему к более чистому
воздуху сектора ординатов западного
крыла, он иронично

улыбался специфике своего призвания —
памяти. Лексио был обречен помнить все и
все же не

иметь сознательного доступа к
воспоминаниям. Этот уникальный навык
очень ценил

Администратум. Шифры Башни Уголов
тщательно отбирались. Их родословные
были

скрещены в строго управляемых условиях,
а талант, который получал потомок,
тщательно

культивировался в специализированных

академиях. Каждый год проводились
тесты. Все

семьи традиционно готовили своих детей
к тестам в течение многих лет; отцы и
деды

передавали секретные искусства
самодисциплины, которые позволяли ребенку
запоминать

огромный объем информации, не понимая
ее значения. Некоторые из семей служили

Администрации со времен Императора,
и они чрезвычайно гордились своим
благородным

происхождением.

Лексис резко остановился и сделал шаг
назад. Он не чувствовал себя
расслабленным этим

утром и уже сделал ошибку, не завершив
этот шаг до конца. Где-то в глубине его
сознания

голос начал нашептывать молитву
памяти его семьи, успокаивая разум,
чтобы больше не

совершать подобных ошибок сегодня.

Лексио автоматически остановился, пропуская тяжелое транспортное средство, стершее

следы, которые он случайно оставил в пыли перед собой. Оно проезжало здесь каждое утро на

пути к Залу пересмотра истории и принадлежало одному из префектуров-секундус. Лексио

резко развернулся и пошел по широкому коридору вслед за префектуром, точно

придерживаясь аккуратных следов транспортного средства.

Этот широкий, низкий коридор соединял крыло оргинат с лучше продуманной планировкой

сектора, населенного префектами. Его ширины вполне хватало, чтобы по нему могли пройти

сразу пять оргинатов плечом к плечу в разгар трудового дня, но потолок был настолько низок, что любой из них, если бы захотел, мог без усилий коснуться его. Выше прохода был еще

один, точно такой же. Выше еще один и
еще, и еще, и еще. Если бы Лексис
прислушался бы

лучше, то смог бы различить шаги
чиновников на пути к своим рабочим
местам. Звук являлся

частью знакомого фонового шума Башни,
и это еще раз напоминало всем, что они
занимают

специальное место в огромной,
великолепно настроенной машине
Администратума. Конечно,

Лексис едва замечал его. Он просто знал,
какие тона должен слышать, и какой
громкости они

должны быть в любой момент рабочего
дня. Сегодня шум звучал великолепно, и
это немного

успокаивало.

Но мере того, как путь становился ближе
и ближе к Залу пересмотра истории, его
своды

становились все более внушительными.
Потолок начал уходить под небеса, а

мощные столбы,

поддерживающие своды, вырастали из пола и терялись где-то в вышине. К тому времени,

когда коридор закончился в секторе префектов и достиг окраин района Усторикус, он больше

напоминал собор, с большим сводчатым потолком, взмывающим в невидимые высоты. Но

Лексио никогда не смотрел вверх. Он узнал это место лишь по оживленному движению и

убранному и отполированному чистому полу. Даже не осознавая почему, Лексио

почувствовал, как напряжение спало с плеч, поскольку мозг осознал, что больше не надо быть

настороже, выискивая, куда поставить ноги. Здесь не было следов, оставленных в пыли,

только трещины в полу, которые следовало бы избегать.

Пройдя ровно двести семьдесят четыре

шага, Лексио резко повернулся направо к
темному и

низкому проходу с положительным
уклоном, ведущему к следующему уровню.

Этот коридор

вообще никогда не чистился, по-видимому,

у Усторикуса не было повода или причин

забредать в туннели, предназначавшиеся

для прислуги. Ноги Лексио проскальзывали

в слоях

пыли и грязи наклонного коридора. Здесь

было слишком темно, чтобы увидеть, где

располагаются трещины и отпечатки

следов, поэтому он нервно и быстро, чуть

ли не безот,

преодолевал это небольшое расстояние.

После двадцати скользящих шагов шифр,

наконец-то,

вышел в великолепно освещенную

парадную. Бледный утренний солнечный

свет заливал все

помещение, выполненное в готическом

стиле, он исходил из расположенных по

всей глине

стен круглых окон, отбрасывая глиняные тени на ярко-белом полу. Каждое окно изображало

сцену из великой истории Империи, начиная со времен Ереси Гора и заканчивая настоящим. Все мозаики в окнах были выполнены из цветного стекла.

Посетители Омгела

перестотра истории проходили по великоленно созданной линии времени, по безукоризненно

отполированному полу из белого мрамора, прежде чем достигнуть больших дверей в конце.

Такая обстановка вполне соответствовала героизму и чистоте Империи Человечества.

Походка Лексио изменилась, когда он проходил через все это великоление. Ни разу не

случалось так, что он был напуган грандиозностью деяний великих людей, так как никогда не

смотрел на изображения, украшавшие

окна, или обременен обязанностями,
которые ждали

его, пока он шел к дверям. В его сознании,
скорее всего, блуждали мысли, что у него
слишком

грязные ноги, и он оставляет следы на
древнем тротуаре. При каждом шаге он
высоко

поднимал ноги и легонько касался пола,
держась в стороне от трещин между
огромными

плитами камня. Согласно четырехмерной
карте, впечатавшейся в его мозг, Лексис
должен

был точно рассчитать свое появление,
чтобы оно совпало с началом работы
следующей смены

прислужников таким образом, его следы
были бы уничтожены в течение
пятнадцати минут.

Что-то другое, едва различимое, было
сегодня в этой прихожей, и тень сомнения
прокралась в

разум Лексиса, как гниение затрагивает

переспевшие фрукты. Поскольку более высокие

функции вырвали его из состояния задумчивости, он остотрелся вокруг и обнаружил, что

находится в середине Процессии истории. Целая минута потребовалась, чтобы успокоить

нервы, когда он понял, что видит нужные двери перед собой и ему не надо возвращаться к

своей келье, чтобы вновь начать путь. Успокоенный таким образом, Лексис опустил взгляд на

мерцающий белый тратор под ногами и изо всех сил постарался понять, что же здесь было не

так. Что могло потревожить его так, что сломало привычный порядок вещей? Ведь на сей раз

вокруг не было никаких прислужников со сломанными шеями, презграждавшими ему путь.

После нескольких минут сосредоточенной

концентрации в уме Лексио начала
проясняться

картина. Он скрупулезно изучил древний
пол, наблюдая за постепенно движущимися
тенями,

ползущих по тротуару. Одно из темных
пятен немного отличалось от того, каким
было в

предыдущий день... во все предыдущие дни.
Было только крошечное отличие, только
намек

на выпуклость там, где должна была
быть гладкая однородность.

Лексио осторожно оторвал взгляд от пола
и посмотрел на великолепное изображение
на окне,

сверкающее красными и золотыми
оттенками на солнце. Картина
изображала искаженного в

мүках гигантского красного Космического
Десантника с крыльями ангела, держащего
огромный меч. Это был первый раз, когда
Лексио увидел облик Агентус Астартес.
Острая

боль вины пронзила его душу, он понял, что не достоин лицезреть столь прекрасные творения. Но он собрал всю свою храбрость и сощурил глаза, концентрируя взгляд на столбе,

который возвышался возле края большого окна. На замысловатой каменной кладке было

множество изображений, символов и надписей, исполненных на высоком готике. На арке,

обрамляющей великоленное окно сверху, Лексис увидел маленькую горгулью с глотающим

лицом и два глиняных Хомса. Он проследил линию света от отвратительной скульптуры до

пола и понял, что неправильную тень отбрасывает лицо горгульи. Ускоса смотря против света

и напрягая зрение, он увидел крошечное черное пятно между рожками скульптуры. Оно было

таким маленьким, что казалось, будто

там вообще ничего нет, кроме тени,
которая и не давала

покоя великоленной памяти Лексио.

«Что мне теперь делать?» - подумал
Лексио, нервно скручивая руки и с тревогой
озираясь

вокруг в поисках других чиновников в
прихожей Процессии истории, надеясь, что
один из них

мог заметить непорядок в каждодневной
рутине.

Вид чьих-то ступней заставил
остановиться. Они были на его пути,
и мешая продолжать

ежедневную уборку, и, очевидно, не
собирались отодвигаться в сторону. Крегг
осторожно

подталкивал их щеткой, надеясь, что они
не имеют никакого продолжения, и что он
спокойно

сметет их с остальным мусором и
продолжит работу. Сегодня он немного
опоздал и надеялся,

что не задержится надолго в прихожей

Процессии истории -- всегда искрящейся
чистотой,

уверенный в стерильности пола.

Ступни не сдвигались с места. Вместо
этого странный хриплый шепот доносился
сверху, как

если бы кто-то пытался привлечь
внимание Крезга. На мгновение ему
показалось, что это

какой-то тест. Опытные прислужники
предупреждали его, что иногда префекты
могут

поджигать ничего не подозревающего
чернорабочего в засаде и затем сыграть с
ним

какую-нибудь злую шутку. Каким был
результат, зачастую зависело от
рассказчика. Глубоко

под западным крыло, полным треска
масляных светильников, Крезг часто
слышал страшные

рассказы о том, как префекты могли
одним лишь взглядом превратить
прислужника в камень

или полностью стереть его память. Он также слышал, что много уборщиков пропали из башни

и никогда уже не вернулись только за то, что постели бросить короткий взгляд на наследственного чиновника

Администрация. Независимо от правдоподобности этих

рассказов, Крезз ни разу не постел оторвать глаза от пола вне темных границ сектора

прислужников. И сейчас он абсолютно не хотел изменять этой привычке.

После нескольких неудачных попыток, Крезз повел метлу в обход ступней и попытался

продолжить путь. Но ноги начали перемешаться, строго ступая по трещине между

траторными плитами, и вновь застыли перед Креззом. Складывалось впечатление, что ступни

специально мешают ему продолжить выполнять данные Императором

обязанности. Внутри

Крегга начал закипать гнев. В действиях ступней он увидел ничем не прикрытую ересь,

костьяшки пальцев побелели, крепко обхватив древко метлы. Он с силой сдвинул щеткой по

ступням, все еще не решаясь поднять взгляд.

- Извините меня, мой лорд, - едва слышно прошептал он. -- Но я должен продолжить... Во имя

Императора, - добавил он, надеясь, что священное имя сможет сдвинуть ноги с места.

Сверху послышался кашель, а затем тонкий, неуверенный голос произнес:

- Смотрите, т... там, т... там, что-то есть.

Крегг прекратил скрести щеткой по ногам, чтобы услышать слабый шепот. Он абсолютно не

походил на уверенный голос агента, способного превратить его в камень или

стереть память

огним словом. Он снова посмотрел на ступни. Они были обернуты в простую, ничем не

украшенную серую ткань, на каучуковой подошве. Как заметил Крэгг, пятки были покрыты

толстым колючатым слоем грязи. Оглянувшись назад, он увидел четкие липкие пары следов на мраморном полу.

«Где видно, чтобы ноги префектов были такими неопрятными?» -- задался вопросом Крэгг.

Брат Грик закончил уборку перед ним, и Крэгг понял, что ступни никак не могут быть

ступнями префекта.

Медленно, с трепетом в душе, он немного начал поднимать глаза вверх. Серые ступни

переходили в серые же штанины, которые прятались под сгибами глинной

невзрачно-серой блузы. Проследив

взглядом последние несколько
сантиметров, он

впервые за пять лет после отбора увидел
лицо наследственного чиновника
Администратума.

Оно было бледным с короткой щетиной
серых волос на нижней челюсти и голове.
От виска и

вниз по лицу шла татуировка из сложных
и витиеватых графических символов,
написанными

четкими вертикальными линиями,
которые исчезали под материалом блузы.
Но после всех

рассказов о превращающем в камень
взгляде, Крезг не увидел глаз человека.
Они были

устреплены куда-то вверх, на один из
витражей Процессии истории. В том же
направлении

указывала и рука человека, он бормотал
что-то несвязное, будто говорил сам с
собой.

Часовые стояли в тишине, наполовину

скрытые в глубокой тени декоративного,
арочного

дверного проема. В коридоре, который вел
в Великий Зал Вундикар, не было никаких
окон, и

ни один луч света не пробивался извне.
Весь храм был скрыт во тьме.
Бесконечные лабиринты

коридоров постоянно искривлялись, то
возвращая путника в то же место, откуда
он пришел, то

заканчиваясь тупиком. Некоторые из них
были затинированы взрывчаткой, другие
не до

конца завершены, зияя провалами, в
которых ждала мучительная смерть.
Местами в них не

было пола, и каждый проходящий рисковал
упасть в отвратительную пропасть, где
его

поджидал забытый ужас, чтобы пировать
над небрежным глупцом.

Только очень хитрый и хорошо
тренированный противник мог остелиться

предпринять

несанкционированное проникновение в храм Вундикар. Но сделать это он мог, только пройдя

через запутанные лабиринты, напичканные бесчисленными ловушками, да еще ему бы

пришлось выжить в столкновении с часовыми, которые умело маскировались, охраняя проход

в Великий Зал. Они не были обычными воинами или стражниками, они принадлежали к

гордым и высокочтимым братьям Вундикар, которые держали бесстенную вахту перед

священным оплотом их веры. Их облачение состояло из ритуальной синтеплоти,

поглощавшей слабый свет и делавшей охранников почти невидимыми. Оружием им служило

невероятное множество экзотических лезвий, на многие из которых никогда не

нагал

солнечный свет.

Этим особенным утром стройная и изящная фигура мчалась сквозь тьму храма Вундикар. Она

с уверенностью спешила через сеть проходов, ступая вокруг ложных каменных плит и,

недолго гудая, перепрыгивая через разверстые пропасти. Казалось, что она знала, где они

находились еще до того, как подойти к ним вплотную, то соскальзывая с перил лестниц, то

аккуратно ступая по выступам из черной каменной стены. Все это время ее простые черные

одежды трепетали и вздымались позади нее. Благодаря уникальной системе, по которой была

собрана ткань, гибкий материал не производил ни единого шума.

Без колебаний таинственная фигура подпрыгнула в воздухе, когда выскочила в

темному

коридора, ведущего к Великому Залу. Она схватилась за края висящего черного знамени и

поползла по нему вверх с ловкостью паука. Фигура почувствовала внимание часовых, стоящих

вдоль глиняного, узкого коридора внизу, но не прекратила движение.

Достигнув верхнего края, она подтянула тело на тонкий горизонтальный выступ, на котором

было закреплено знамя, и на мгновение остановилась, укрывшись в нишах потолка.

Резко

оттолкнувшись, фигура взмыла в воздух, сделав несколько переворотов через голову.

Ее

падение происходило по плавной дуге.

Мягко приземлилась на вершине арки твердого проема, который вел в зал, внизу, на

расстоянии четырех метров, виднелись тактики голов двух часовых. Сложившись

пополал,

она ухватила за выступ на кладке и позволила телу упасть вперед. На другой стороне арки

был такой же выступ, и именно за него аккуратно схватилась фигура.

В темном пространстве зала вообще ничего нельзя было разглядеть. Стены были выложены из

вивидигута -- каменной стесы, которая практически впитывала свет.

Этот факт ее несколько не удивил. Она тихо начала взбираться на стену, ловко выискивая

крошечные трещины между большими каменными блоками и подтягивая себя к невидимому

потолку. Спустя несколько мгновений фигура достигла толстого выступа, на котором был

расположен ряд черных горгулий. Затаившись позади одной из них, она начала ждать,

невидимая и совершенно неподвижная.

- Ах, Нижуя, я ждал вас. У меня есть для вас задание, - прозвучал голос из темноты.

Письмена в книге были сделаны на неизвестном и древнем языке, и это заставляло голову

Түкигии идти кругом, когда она пыталась в них разобраться. Складывалось впечатление, что

они специально были так написаны, чтобы их невозможно было прочитать. В тусклом свете

вокруг ее стола в хранилище 47589х3 библиотеки Усторикүс, Түкигия терла лоб, пытаясь

отогнать головную боль, и началась на стуле. Она посмотрела вдоль прохода, с обеих сторон

от нее ряды сомен таких же столов исчезали вдаль во всех направлениях, они были

расположены перпендикулярно книжным полкам, и Түкигия покачала головой от страха

осознания, какой дух мудрости царил

вокруг нее. Хранители, сидевшие за
этими столами,
вели свое происхождение от знатных
семей ученых сегментума.
Насухо протерев руками глаза, Түкидия
откинулась назад, пытаясь немного
отвлечься от
рукописи перед ней, чтобы потом вновь
сосредоточиться. Язык был архаичной
формой
виндракума, извращенной ранней версией
имперского готика, датированного
временем
Оправдательной войны. Вероятнее всего,
Түкидия была одной из таленькой горстки
людей в
галактике, которые все еще были способны
прочитать этот текст, со всеми его
стысловыми
конструкциями и идеограммами. Это был
необычный письменный язык, не имеющий
никакого произношения вообще. Казалось,
что агентам древнего Храма Виндикар,
которые

пользовались им, никогда не нравились звуки.

Как и ее отец, Түкидия отслеживала лазейку в истории Империи, из всех сил стараясь

найти одну из многих недостающих частей огромной мозаики, рассказывающей о завоевании

звезд человеком. Она унаследовала свое положение в Башне Уголов от отца, как только он

передал ей свои редкие лингвистические знания о последствиях Оправдательной войны.

Түкидия самостоятельно создала область исследований к действиям ранних Мастеров

Виндикар. Оказалось, что их злое присутствие тайное присутствие скрывалось за многими важными

событиями того времени, но она никак не могла найти отчетов об их деятельности.

Складывалось впечатление, что они

ничем не занимались в течение многих тысячелетий.

Даже самый пристальный взгляд на картины изображенные на огромных витражах Процессии

Истории не увидел бы какую-либо деятельность Официо Ассасинорум. У организации была

своя, никому неизвестная история, одновременно невероятная и неправдоподобная -- две самые интригующие стороны исторической загадки.

Три прислужника суетились возле основания стрелялки, двое держали с разных сторон, а

третий на ступеньке выше играл роль противовеса. Сильно отполированный императорский пол

был не лучшей поверхностью, на которой следует устанавливать столь шаткую конструкцию,

но лестница была единственным средством, оказавшимся под рукой, и самой

сложной

технологией, доступной для агентов-чернорабочих. Ножки лестницы скользили на холодном

камне, а три прислужника изо всех сил старались удерживать ее на месте, постоянно натываясь и

спотыкаясь друг о друга. Часть проблемы заключалась в их нежелании отрывать взгляд от

пола, таким образом, ни один из них не знал, что происходит наверху и вокруг них.

Тем временем, к вершине лестницы приближалась трясущаяся фигура Крегга, его руки

неуверенно держались за каждую новую ступеньку, а ноги грозили под собственным весом.

Он старательно смотрел вниз, но понимал, что с каждым шагом вверх его взгляд с такой

высоты охватывает все новые горизонты. Теперь он мог видеть крылатого воина,

изображенного на окне напротив него и
стоящего возле основания лестницы
шифра, что-то

бормотавшего себе под нос и с тревогой
смотрящего снизу вверх на Процессию
Истории.

Сделав еще несколько шагов, Крезг
потянулся рукой, чтобы схватиться за
следующую

ступеньку, но ее там не было. Все еще не
отрывая пристального взгляда от пола, он
двигал

рукой из стороны в сторону, пытаясь
найти следующую, чтобы еще немного
продвинуться

вверх. Со страхом от непонимания, Крезг
медленно поднял взгляд от пола -- он
достиг вершины.

Крезг понял, что смотрит в светло-серое
лицо гранитной горгульи, когда линия ее
глаз,

наконец, сравнялась с уровнем его головы.
Он вздрогнул, когда увидел ее. Три
прислужника с

трудо́м удержали лестницу́ от резкого
движения Крезга, но он быстро вернул
самообладание

перед лицом неодушевленной каменной
бести.

В течение некоторого времени Крезг не
отрывался от уродливой скульптуры перед
собой,

задаваясь вопросом, зачем кому-то
понадобилось украшать великолепную,
чистую Процессию

столь уродливыми форматами. Затем ему
пришла мысль о том, как давно никто не
чистил ее.

Автоматически он натянул рукав своей
блузы, чтобы протереть отвратительную
торгую.

- Ах, г... га, - слышался слабый голос
снизу. -- В... возможно Вы м... могли бы...
достать

ту м... трубку?

Крезг встряхнул головой, серый,
заикающийся, полный беспокойства голос
шифра заставил

его остановиться. Он кивнул и потянулся
рукой, чтобы ощупать пространство
позади головы

горзұлы. Несомненно, что-то лежало в
тонком промежутке на спине. Его пальцы
ощупали

место вокруг металлической трубки,
оставляя следы в пыли на гладкой
поверхности. Но ему

не хватало длины руки, чтобы достать
ее. Обхватив левой рукой горзұлыю, Крегг
наклонился

вперед еще немного и подтянулся выше, а
правой рукой потянулся к трубке. Его
пальцы

ткнулись в холодную, гладкую
поверхность, и он почувствовал, что она
начала понемногу

освобождаться от оков каменной кладки.

Все произошло очень быстро, Лексис
услышал визг отчаяния, исходящий от
одного из

прислужников удерживавшего лестницу.
Она выскользнула из их рук, и ее основание

скользнуло к центру прихожей, свалив
нескольких чиновников и заставив других
оторваться

от обычных дел. Тем временен Крезг,
хныча и крича от страха, остался висеть,
держась одной

рукой за голову горгульи. Небольшая
трубка все же выскользнула из каменной
кладки и, звеня

и гремя, покатила по трамору пола.

- Гм, Вы должны н... помочь ему,
пожалуйста, - сказал Лексио другому
прислужнику, прыгая

от одной траморной плиты к другой по
направлению к трубке -- появление которой
и так

вызвало столько проблем. Когда Лексио
добрался до нее, то натянул рукава на
куисти рук так,

чтобы не коснуться кожей ее поверхности,
и поднял ее. Всмотревшись внутрь, он
увидел

маленький рулон бумаги, покрытый
странными небрежными загогулинами,

которые он не

смог распознать.

Вернувшись назад в знакомую темноту своих палат в одной из внешних башен храмовой

зоны, Нижия отстегнула зажим, который удерживал плащ вокруг ее плеч, и позволила

слоистому материалу скользнуть вниз и замереть грудой вокруг ее лодыжек. Эти роскошные

одежды были данью уважения, в пределах Храма Вундикар, и у нее нет никакой потребности в

таком ложном стирении, находясь в Башне Уголов, и выполняя свои обязанности. Мастер

Вундикар был очень озабочен важностью сохранения тайны, и она не собиралась рисковать

прямым приказом от гросстейстера храма.

Ее маленькая круглая комната была освещена только крошечными копытами

света, которые

выстреливали из трещин в стенах
лишенного окон шпиля. Фактически, в
Храме Вундикар

вообще не было окон, создавая атмосферу
бесконечной ночи. Каждый год некоторые
из вновь

посвященных -- все сироты, подготовленные
в Схола Прогениум --сходили с ума из-за
нехватки дневного света. Некоторым
улыбалась удача, и их успевали вывести из
Храма до

того, как серьезные отклонения в психике
могли окончательно убить новичка. Класс
из

двадцати предварительно отобранных,
потенциальных убийц мог уменьшиться до
двух к

концу третьего года обучения. Один из
них неизбежно погибал в заключительном
обряде

посвящения девять лет спустя, когда эти
двое будут противостоять друг другу на
своем

последнем испытании. Оно больше походило на тест их желания убивать, нежели на

способность технически сделать это. Учитывая то, что каждый год набиралось один или два

класса, Храм выпускал одного или двух полностью подготовленных убийц раз в год -- это

возлагало огромную ответственность на плечи каждого из них и делало их необычайно

ценными для богачей или тех, кто способен был воспользоваться их услугами.

В глиняной,

окутанной завесой тайны истории Храма Вундикар эти убийцы не всегда оказывались

агентами Императора. И они не хотели бы это афишировать.

Тоненькие лучи света скользнули по ее бледной покрытой шрамами коже, когда она

задерживала занавес, окружающий

синтезгүш, который занимал почти четверть комнаты. Это было сложное устройство, используемое в том или ином виде во всех храмах под покровительством Официо Ассасинорум, хотя каждый подбирал свое собственное уникальное химическое соединение.

Нижия отрегулировала несколько клапанов, которые заставляли смесь разбрызгиваться,

тщательно проверила каждый диск, уменьшая возможность ошибки.

Правильное применение

синтеплоти было вопросом жизни и смерти, так как некорректная настройка могла привести к

угушью.

Выбрав три экзотического вида лезвия из стойки около гүша, Нижия потянула ряд рычагов и

затем щелкнула выключателем, когда встала на пьедестал в фокусе различных носиков и

трубочек. Закрыв глаза, она почувствовала, как плотный слой за слоем накапливается на ее теле.

Распыление стесни было запрограммировано специально для ее тела, она сосредотачивалась

вокруг главных групп мышц, чтобы увеличить их силу, и вокруг жизненно важных органов,

чтобы обеспечить максимальную защиту.

Тонкие слои запечатали холодное оружие на ее

бедрах и пояснице. Синтеплоть Вундикар также содержала некоторое количество кислорода и

подавителей метаболизма в случае, если ассассину нужно было долгое время выжидать в

засаде.

Резким движением отдернув занавес, Нижия осталась стоять, сверкая в нестремном свете темной

комнаты. Тело мерцало в гладкой, перепончатой броне, которая обнимала ее

фигуру как

вторая кожа. Она выдержала небольшую паузу, чтобы синтеплоть немного подсохла, позволяя

пальцам легко пройти по ее прекрасным формам, прежде чем изогнулась вниз от ньюгестала

и схватила глиняную винтовку, закрепленную на стене. Она поворачивала ее в руках, проверяя

баланс, и защелкнула оружие на ремне, встроенном в ее спину. Не колеблясь и мгновения, она

проследовала из палаты и незатеченной ускользнула из храма.

- Вы опоздали на одиннадцать минут, шифр, - шипел Кейл, смотря на Лексию сверху вниз и

пытаясь понять, что же было не так с ним этим утром. «Все эти шифры выглядят

одинаково», - думал он возбужденно.

Лексио перетинался с одной ноги на другую, с тревогой крутя в руках

металлическую трубку,

которую он нашел в прихожей Процессии истории. Он смотрел вниз на свои ступни, не

отрывая взгляд от стыка каменных плит и концентрируясь на том, чтобы случайно не

наступить на него. Он знал, что это лучше, чем смотреть в лицо префекта, тем более

секундуса, который сейчас делал ему вызов.

- Прекратите волноваться! -- говорил Кейл, неспособный более выносить систематического

опоздания Лексио. -- Сообщите своей станции и ждите, когда вас вызовут. Сам Усторикус

скоро будет здесь, и я уверен, что у него будет для вас задание.

- Н..., но сэр..., - начал было Лексио, все еще не отрывая взгляд от пола.

- Что!? -- вскрикнул префектус, его терпение достигло предела.

У Лексио слова застряли в горле. Он часто замечал за собой, что не может вытолкнуть ни

единого звука, столкнувшись с высшим должностным лицом, а потом в течение многих часов

ни один слог не срывался с его губ, не говоря уж о словах и длинных предложениях. Тем

более сегодня, после пережитых драматических событий у него не было вообще никаких слов.

Вместо этого он уставился в пол и нервно перебирал пальцами по гладкой поверхности

черной трубки, вертя ее в ладонях.

- Что! Что? Что это? -- кричал Кейл, выхватывая объект и рук Лексио. Не церемонясь и не

думая о важности этой вещи для Лексио, Кейл вытащил рулон бумаги и отбросил трубку в

сторону. Он небрежно пробежал по символам, выгравированным на бумаге, и

кивнул, как

будто все это внезапно возымело смысл
для него.

- А, понятно, - сказал он, возвращая рулон
обратно Лексио, не одарив его и взглядом.

- Я

предполагаю, что это -- документ из
Археотехиум? Новая находка? -- продолжил
он, не ожидая

подтверждения от шифра.

Лексио перетинался и что-то бубнил,
неспособный ясно сформулировать мысль,
но Кейл

продолжил с нажимом, игнорируя шифра.

- Вы должны взять это и отнести в
хранилище 47589х3 смотрителю 14.259.

Дождитесь там

перевода и затем верните его мне -- я буду
следить за вами. Вы меня поняли?

Лексио неопределенно кивнул, и его рот
беззвучно открылся.

- Н... не... из ар... арки... не оттуда..., -
наконец, смог он вытолкнуть.

Глаза Кейла впились в невнятно

говорящего шифра.

- Что? Не откуда? О чем вы говорите?
Просто идите и переведите это и
принесите мне, - резко

сказал он, качая от удивления головой,
что шифр все-таки сумел что-то сказать.

Вне зала, в котором они находились,
началось странное волнение, виновниками
шума

оказалось несколько прислужников,
переносивших лестницу.

- Что за утро, что происходит -- бедствие
какое-то, - бормотал Кейл, пока не
вспомнил, что

именно он был единственным
префектусом-смотрителем поблизости.
Кейл повернулся и

зашагал к Процессии Истории, оставив
Лексию в середине большого зала с
трясущимися

руками.

Яркий свет тек через витражи,
отбрасывая глинные тени и посылая
размытые цвета, похожие

на те, которые бывают в калейдоскопах,
через белый трапезный пол. Раскинув ноги
и руки,

Нижия с помощью костюма прицепилась к
замысловатым резным камням потолка.
Она

видела, как волнение в прихожей
Процессии истории постепенно начало
затихать, причиной

стал важного вида чиновник, вышедший из
огромного дверного проема в конце зала и

равкнувший несколько команд
встревоженным прислужникам. Трое из
них убежали с

лестницей, а один подошел к чиновнику,
что-то бормоча, Нижия не могла
разобрать что

именно — она не могла даже прочитать по
губам, потому что его лицо было опущено
к полу.

Он нервно жестикулировал, указывая на
небольшую статую над вершиной одного из
витражей. Даже от простого
присутствия прислужника лицо чиновника

искажалось в

отвращении, пока он слушал его рассказ. Потом он быстро кивнул и отпустил

непритязательного агента, вид облегчения появился на его лице, когда потрепанный человек

оказался далеко в конце прихожей.

Нижняя даже не дышала, пока занимала свою неподвижную позицию под потолком, наблюдая

за людьми, снующими взад и вперед вдоль Процессии. Она находилась в глубокой тени одного из широких сводчатых куполов, которые были расположены по всей длине прихожей,

она прекрасно понимала, что никто не в состоянии увидеть ее снизу, даже если бы они

оторвали глаза от пола, чего никогда, казалось, не делали.

Спустя пару часов она заметила некую закономерность в передвижениях прислужников,

шифров и оргинатов снующих через

Процессию в ходе выполнения своих
обязанностей. Она
наблюдала отлив и прилив живой крови
Башии Уголов и поняла, насколько все
здесь было

предсказуемо, пока чиновники
прохаживались по коридорам
Администрации, совершенно не
подозревая о ее присутствии.

Она дождалась затишья в движении
толпы, которое происходило каждые
двадцать три

минуты, и затем спустилась из своего
укрытия, ухватившись за одну из сложных
люстр,

висевших в Процессии, раскачавшись и
аккуратным прыжком с кувырком мягко
приземлившись на выступ одного из
витражей. Она тихо продвигалась вдоль
него, пока не

достигла головы горгульи —
традиционного пункта получения
информации для агентов

Виндикар. Дотянувшись рукой до задней

части скульптуры, Нижия поняла, что

Мастер

Виндикар был прав -- кто-то в башне
узнал слишком много. Маленькая
металлическая трубка

пневматической почты пропала.

Снова воспользовавшись тенью на потолке,
Нижия проползла в сторону больших дверей
в

конце прихожей и спрыгнула. Началась
вторая часть ее миссии.

Түкигия раздраженно выпрямилась за
столом и искоса взглянула через
искусственное

освещение лампы. Одетый в серое шифр
стоял рядом с ее столом и смотрел вверх
и вниз по

проходу, как будто волновался, что кто-
нибудь наблюдает за ним. В его руках был
сжат

маленький рулон бумаги, и он возбужденно
перетинался с ноги на ногу.

- Да? -- просто сказала Түкигия.

- Пожалуйста, переведите это. Я буду

жгать, - сказал Лексио, четко выговаривая слова,

которые он повторял несчетному числу кураторов в прошлом.

Куратор схватила небольшой свиток из рук Лексио и быстро развернула его, просмотрев обе

стороны бумаги прежде, чем положить его на поверхность стола. Там было всего несколько

строк текста, но диалект был весьма необычен, и Түкидия подняла вверх лицо, пока ее мозг

судорожно пытался подобрать правильные слова. Археотехиум всегда находил и переводил

новые документы, но большинство из них не удостоивались чести быть запротоколированными.

Когда содержание сообщения, наконец, проникло из ее сознания, Түкидия с трудом сдержала

волнение. Она вскочила со своего стула и зашагала взад и вперед, что-то бормоча

под нос,

пытаясь понять его точное значение для
ее запросов по тахинациям Мастерова
Виндикар. Это

было готовым ответом, как храм
Виндикар никогда не попадал на страницы
истории.

Она учалась вдоль одного из проходов
между книжными полками в поисках
каких-то

файлов, оставив Лексио одного возле
стола. Он понятия не имел, что могло
так взволновать

куратора, по сути его это не сильно
беспокоило. Его собственные переживания о
событиях

сегодняшнего утра были раздавлены
сухим, стандартным ответом
префектуса на его находку,

поэтому он будет просто ждать
куратора, чтобы продиктовать перевод,
так же как он делал

это каждый день.

Внезапно Түкидия завизжала и вытащила

огромную коробку с документами.
Пошатываясь
под ее весом, она заторопилась назад и с
грохотом бросила ее на стол,
незамедлительно
приступив к сортировке и поиску нужных
документов. Но вдруг, как будто что-то
вспомнив,

она резко остановилась и уставилась на
Лексию. На мгновение она подумала,
почему кто-то

вообще интересуется переводом этого
документа, ведь винграут был мертвым
языком, и его

расшифровка должна была иметь только
исторический интерес. Но она не могла
задавать

такие вопросы, а шифр, конечно же, не
будет знать ответы. Она выбрала третий
уровень кода

доступна, чтобы шифр не смог узнать
содержание документа, а затем
продиктовала перевод.

Лексия моргнул пару раз, всегда немного

резориентируясь от процесса записи. Его сознание

буквально выключилось на время диктовки, и сообщение пошло пряником в нижние отделы

мозга, отвечающие за подсознание. Когда он пришел в себя, ему понадобилось несколько

мгновений, чтобы понять, сколько времени занял весь процесс. В этот раз, как ему показалось, прошло всего несколько секунд. Голова куратора уже была обращена к коробке, она

укладывала бумагу обратно, давая понять, что закончила с ним.

Опустив глаза обратно к каменным плитам, Лексис медленно шел вниз по главному проходу

хранилища 47589х3, направляясь к огромной каменной лестнице, которая должна была

довести его до Большого Зала. На мгновение у него возникло желание узнать содержание

сообщения, скрывшегося в его подсознании,
но заставил себя думать только о
длительном

восхождении по лестнице. Возможно,
сегоднешний день не был таким уж
захватывающим.

Задыхаясь и обливаясь потом, Лексис
тщательно оторвал ногу от последней
ступени и

поместил ее в самый центр первой
каменной плиты уровня. Выпрямившись, он
поправил

свою блузу, разглаживая складки и давая
себе, немного времени чтобы отдышаться.

Открывшийся перед ним Зал Управления
Истории был заставлен столами и
километрами

стеклов с документами. Огромный
куполообразный потолок возвышался почти
на триста

метров -- фактически, это была крыша
Башни -- и фрески, нарисованные за
прошедшие

столетия, были едва различимы, только

непонятные пятна виднелись среди танцующих теней.

На минуту Лексио замер и обратил взгляд к небесам, наблюдая за далёкими плывущими

силуэтами, отражающими беспорядочную суету внизу, на земле. Он подумал о том, было ли

там тихо. Иногда, в моменты эретической слабости, он даже задавался вопросом, что лежит за пределами купола.

Огромный зал был круглой формы и простирался во всех направлениях до внешних стен

гигантского шпиля. Единственная круглая стена была покрыта гобеленами, баннерами и

изображениями, посвященными великим ученым Империи. Их резкие, недобрые глаза

смотрели на чиновников внизу Отдела пересмотра истории, как будто следя за тем, чтобы

никто не ленился.

На противоположной стороне зала, напротив великоленной лестницы, которая обеспечивала

доступ к исследовательским хранилищам внизу, были двойные двери, которые выводили к

Процессии истории. А в самом центре зала на высоте пятидесяти метров застыл

великоленный трон Усторикус, искрящийся золотом. Его поддерживала сложная система

платформ, выполненных в классическом стиле Империи. Сложная опора была разработана

так, чтобы все посыльные из других частей башни могли легко определить платформы и

дождаться внимания Усторикуса. Для Лексиса это означало двадцать семь шагов за

исключением нижней платформы слева. Но сегодня ему не нужно было к

Усторикүсү, его нүтү

лежал обратно к префектүсү.

Проселенив по каменным плитам к трону, стараясь не понасть в трещины, а иногда

перешагивая через огнү, избегая наступать на кипы бұтаг, Лексио понял, что Усторикүс үже

прибыл на место. Он үже взошел на трон и раздавал указания старшим префектам.

Посмотрев

вверх, Лексио үвидел, что префект-секүндүс стоит возле левого плеча

Усторикүса, выглядя

очень довольным собой. Казалось, что он заметил, как приближается Лексио, но сделал

недовольное выражение лица, которое ясно дало понять, что префектүсү абсолютно не

нравится мысль, что ему надо спускаться с платформы, для того чтобы поговорить с

хнычущим шифром. Поняв это, Лексио остановился точно в двадцати семи шагах

от

платформы, за исключением ее основания,
и стал терпеливо ожидать префектуса.
После

долгого путешествия и неприятного утра,
он был рад немного передохнуть.

Нижняя возникла возле головы одной из
горгулий, схватилась одной рукой за
выступ и

оттолкнулась, позволив инерции
привести ее тело в вертикальное
положение. Она беззвучно

кувыркнулась в воздухе и мягко
приземлилась на одну ногу, отлично
балансируя на узком

выступе гравюры на стене. Окинув
быстрым взглядом пространство внизу,
она нырнула вниз

головой вдоль стены, пролетев десять
метров, прежде чем схватить нижний
край баннера,

пролетев спиной к другой стороне
огромного купола. Она аккуратно
приземлилась в

основании почти вертикального
флажштока, сразу доставая из-за спины
глиннүю винтовкү,

отстегнув ее от ремня на спине.

Здесь был прекрасный угол для выстрела,
поняла она, когда навела прицел на голову
полного

чиновник, сидящего в безвкусном золотом
троне далеко внизу. Он был окружен
мелкими

администраторами, и только почти
вертикальный выстрел мог достичь цели,
никого не

зацепив.

Задержав дыхание, Нижиа заставила свой
метаболизм остановиться, позволив
хитикатам в ее

синтеплоти вливаться в организм, чтобы
поддержать ее, в то время как все мускулы
застыли в

одном положении, давая ей прекрасную
устойчивость. Полный человек в ее
прицеле качался и

стеялся, набивая рот едой и плюясь в своих

помощников, когда выкрикивал указания для них.

Нижняя думала о спусковом механизме и представляла, как голова человека взрывается от попадания. И затем это случилось.

Вот оно, протелькнуло в голове у Тукигии, вытаскивающей связку пожелтевших, старых

документов. Все это возмело смысл, когда она прочитала записи о том, как некоторые

Историкусы погибали всюду по всей Башне Уголов. Все они занимались исследованиями

относительно храма Вундикар, который, так случилось, находился на той же самой планете,

но они все умерли, не оставив существенной документации относительно дел таинственных убийц.

Она вертела небольшой свиток в своих руках, перечитывая сообщение снова и

снова, как

бүгто не могла поверить, что текст был настолько простым и прямым. Это объясняло все.

Покачивав головой и улыбнувшись простоте исторических загадок, она присоединила свиток

сообщения к груде документов и положила их всех в коробку. Потом она подняла ее и пошла

вниз по глиняному проходу перед ее столом в хранилище 47589х3. Найдя нужную полку среди

километров стеков, она задвинула коробку на место и вернулась к своему столу.

Посмотрев вдоль бесконечной линии кураторов, сидящих за их столами в 589-ом читальном

зале 47-го уровня, она улыбнулась себе от осознания хорошо проделанной работы. Ее отец

гордился бы ею, а Империя еще на один шаг приблизилась к разгадке некоторых тайн. Дело

закрыто.

Столпотворение в большом зале затихло, когда голова Усторикуса взорвалась дождем

костяных осколков. Лексио нерешительно поглядывал на трон с расстояния в двадцать семь

шагов, боясь, что кто-нибудь из высших должностных лиц увидит, что он бросает застенчивый взгляд на Усторикуса. Вместо этого он увидел лицо префектуса с раскрытым в

крике ротом и покрытым ихором, когда тот в спешке спускался вниз с платформы.

Лицо префектуса было тем, чего ждал Лексио, и он закрыл глаза, когда спусковой механизм

памяти активировал способность запоминать. Его сознание отступило, и он начал

проговаривать перевод свитка сообщения, абсолютно не понимая, что говорит. Смысл того,

что бормотал шифр, заставил Кейла

остановиться рядом с ним и в недоверии
уставиться на
него.

- Вы должны сегодня убить Историкуса, --
они знают слишком много.

• • •